

Фолькер Зоммер

«ПОЗВОЛЬТЕ ИМ БЫТЬ ЛЮДЬМИ!»

Фолькер Зоммер – профессор эволюционной антропологии в колледже Лондонского университета (University College London (UCL)). Он изучает живущих в условиях дикой природы приматов в Азии и Африке и в качестве эксперта по человекообразным обезьянам является советником Международного союза сохранения природы (International Union for Conservation of Nature). Как научный консультант Фонда Джордано Бруно (Giordano-Bruno-Stiftung) Фолькер Зоммер выступает за эволюционный гуманизм. Этот пламенный защитник природы стал известен благодаря своим книгам и выступлениям на радио и телевидении. На фотографии изображен шимпанзе Макс (1974 - 2009) из зоопарка города Гейдельберг.

Автор **Фолькер Зоммер**, опубликовано в «**bild der wissenschaft**» **10/2011**. (Здесь приводится с послесловием Deep Roots.)

Скоро шимпанзе и бонобо будут включены в род людей. Тогда, если подумать, будет правильно, если после этого на табличках в зоопарках и исследовательских лабораториях будут писать «Homo troglodytes» и «Homo paniscus». Так, во всяком случае, это будет, если бы все обстояло по моему мнению – и мнению растущего числа зоологов, эволюционных биологов и генетиков. Так как различие «Pan» от «Homo» как это было до сих пор, связано в меньшей степени с естествознанием, чем с религией – и с той догмой, что людей нужно четко отличать от животных.

Религиозными были мотивы также у Карла Линнея, когда он в своем труде «Systema Naturae» (Система природы) в 1735 году обосновывал биологическую классификацию. Шведский биолог, после возвышения в дворянское сословие ставший известным как Карл фон Линне, верил, что Создатель чудесным образом якобы произвел градационное сходство форм жизни – и систематизировать его, это означало читать мысли Бога. Об обезьянах было известно немного. Сообщения путешественников о чужих народах и покрытых волосами сказочных существах связывались в причудливую путаницу из зоологической информации и легенд. Так Линней, начиная с десятого издания своей книги в 1758 году, хотя бы частично навел порядок в хаосе фантастических историй об обезьянах, введя зоологический отряд «приматы» (Primates). Сначала он охватывал роды «Homo» (человек), «Simia» (обезьяна), «Lemur» (лемур) и «Vespertilio» (летучие мыши). К роду «Homo» (человек) Линней отнес «человека разумного» (Homo sapiens), вместе с несколькими его географическими и легендарными вариантами. Еще абсолютно неизвестные в то время человекообразные обезьяны были включены под именем «Simia satyrus» и позднее как «Simia troglodytes».

Все группы животных определялись, по меньшей мере, по их специфическим анатомическим признакам. Но относительно человека Линней не мог найти никакого такого принципиального различия с соседскими группами его Systema Naturae – с лемурами (полуобезьянами) и обезьянами. Поэтому он прибавил к созданному им роду человека (Homo) формулу «Nosce te ipsum! – Познай самого себя!». Потому что пропасть между человеком и животными проявлялась для Линнея не через телосложение, а через дух – например, через способность к самопознанию, которое только и делает человека «разумным», именно тем самым «хомо сапиенсом».

При всем том система Линнея показалась многим его современникам скандальной, ведь расстояние между человеком и животным опасным образом сократилось. В конце концов, Библия констатировала, что только человек создан по образу и подобию Бога. Тогда ведь и обезьяны тоже должны были быть богоподобными, если теперь между ними и людьми отсутствовала надлежащая дистанция? Потому вместо поиска общего усердно принялись искать «Humana», признаки, которые должны были доказать нашу уникальность. Профессор Гёттинггенского университета антрополог Иоганн Фридрих Блуменбах, например, в 1779 году снова ввел для людей их собственный отряд – «Bimana» (двурукие), в отличие от обезьян «Quadrupana» (четырёхрукие). В то же время немецкий зоолог Карл Иллигер создал название «Erecta» (прямоходящие), а английский исследователь праистории Ричард Оуэн «Archencephala» (превосходящие мозги).

Все эти понятия оказались недолговечными. Более точные исследования обнаруживали вместо этого все больше и больше общего в телосложении и поведении людей и нечеловеческих приматов. Мнимая атака на достоинство человека значительно усилилась в произведениях Чарльза Дарвина, так как этот английский натуралист утверждал, что разнообразие организмов было не творением Создателя, а постепенно развилось из более древних форм. Благодаря Дарвину мы теперь знаем, почему мы так близки к другим обезьянам: Мы в значительной степени разделяем с ними эволюционную историю видов.

Но даже те, кто признает факт эволюции, слишком часто пытаются держать на расстоянии наших ближайших родственников – что иллюстрирует извилистое присвоение имени человекообразным обезьянам. Сегодня консенсус, по меньшей мере, состоит в том, что отряд приматов включает группу, у членов которой – в отличие от «настоящих» обезьян – нет хвоста. Эти так называемые человекообразные (по латыни «Hominoidea», гоминоиды) охватывают маленьких человекообразных обезьян (гibbony), больших человекообразных обезьян (орангутаны, гориллы, шимпанзе, бонобо) и людей.

И, все же, семейное различие между человекообразной обезьяной и человеком дезориентирует. Потому что оно питает представления о том, что большие человекообразные обезьяны (шимпанзе, бонобо, гориллы, орангутаны) якобы более тесно родственны между собой, чем с нами, людьми. Однако это представление за прошедшие десятилетия было опровергнуто: ближайший родственник шимпанзе и бонобо – это не горилла, а человек! Внутри человекообразных – образно выражаясь – люди, шимпанзе и бонобо являются братьями и сестрами, а гориллы их общими кузенами, орангутаны же – несколько более дальними родственниками.

Согласно генетическим исследованиям линии развития орангутанов и людей разделились примерно одиннадцать миллионов лет назад, в то время как гориллы начали свое собственное развитие шесть миллионов лет назад. Сегодняшний род Homo (к которому мы причисляем людей) и род Pan (с шимпанзе и бонобо) имели и дальше общего предка, и их линии начали разделяться только примерно пять миллионов лет назад. Генеалогические древа шимпанзе и бонобо расщепились еще раз примерно полтора миллиона лет назад. За различными формами первобытного человека последовал, наконец, современный человек – homo sapiens, «человек разумный», примерно двести тысяч лет назад. При этом линии предков сегодняшних шимпанзе и человека пересекались довольно регулярно на протяжении еще миллионов лет. Вероятно, группы никогда также и не были разделены полностью. Кое-что говорит в пользу того, что они до сегодняшнего дня могли спариваться друг с другом.

Шимпанзе и бонобо являются, без сомнения, генетически очень близкими к нам. Но этот вывод осложняется тем, что проценты, которые должны выражать сходство и различие, определяются и объясняются самыми разными способами. В систематическом распределении живых существ примерно 30 лет совершилась революция, связанная с методами ДНК-гибридизации. При этом была установлена стабильность двойной спирали ДНК, которая раньше образовалась из ветвей двух различных видов. Между человеком и шимпанзе такое измеренное генетическое соответствие составляет, к примеру, 97,6%. Разумеется, существуют части генома, которые не позволяют себя гибридизировать – из-за чего разница между шимпанзе и человеком возросла бы, вероятно, на 3-4 %. С другой стороны, многочисленные различия наследственного капитала касаются тех огромных «немых» частей ДНК, которые не кодируют белки – так называемая «junk DNA» (т.н. избыточная, некодируемая ДНК). Эти мутации, вероятно, не должны были учитываться при расчетах. Кроме того, ДНК мутирует не только по отдельным позициям, но и в том случае, если все части гигантской молекулы утрачиваются (мутация потери) или встраиваются в геном как копии в другом месте (генное дублирование). Если такой фрагмент содержит тысячу тех «букв», из которых построена ДНК, то некоторые ученые насчитывают здесь тысячу различий, в то время как другие оценивают мутацию как одно единственное событие.

Генетическое различие, таким образом, может быть больше или меньше в зависимости от способа подсчета. Опубликованные показатели колеблются, соответствующим образом, вокруг фактора 10, а именно между 6,4 и 0,6%. Чаще всего называется показатель около 1,5%, по которому шимпанзе отличаются от людей – в то время как, впрочем, в среднем от 2 до 4% разницы лежат между человеком-мужчиной и человеком-женщиной!

Эволюционная генетика, какими бы захватывающими ни были ее открытия, все еще находится в начале своего пути. Из-за этих ограничений некоторые ученые считают генетическое сходство неподходящим мерилем для родства, так как оно не отражает в правильной пропорции расхождений в телосложении и поведении между человеком и человекообразной обезьяной. Другие исследователи находят, что незначительные генетические различия делают очевидной ненадежность нашего восприятия – совсем как «поверхностный признак» цвета кожи часто склоняет нас к тому, чтобы мы оценивали различия между человеческими группами более глубоко, чем они есть на самом деле.

Если речь идет о критериях четкого разделения, молекулярная биология и геномика, как ни парадоксально, создают больше проблем, чем решают. Это подобно увеличительному стеклу: чем лучше его разрешение, тем больше различий становится заметным. Однако все еще в значительной степени за-

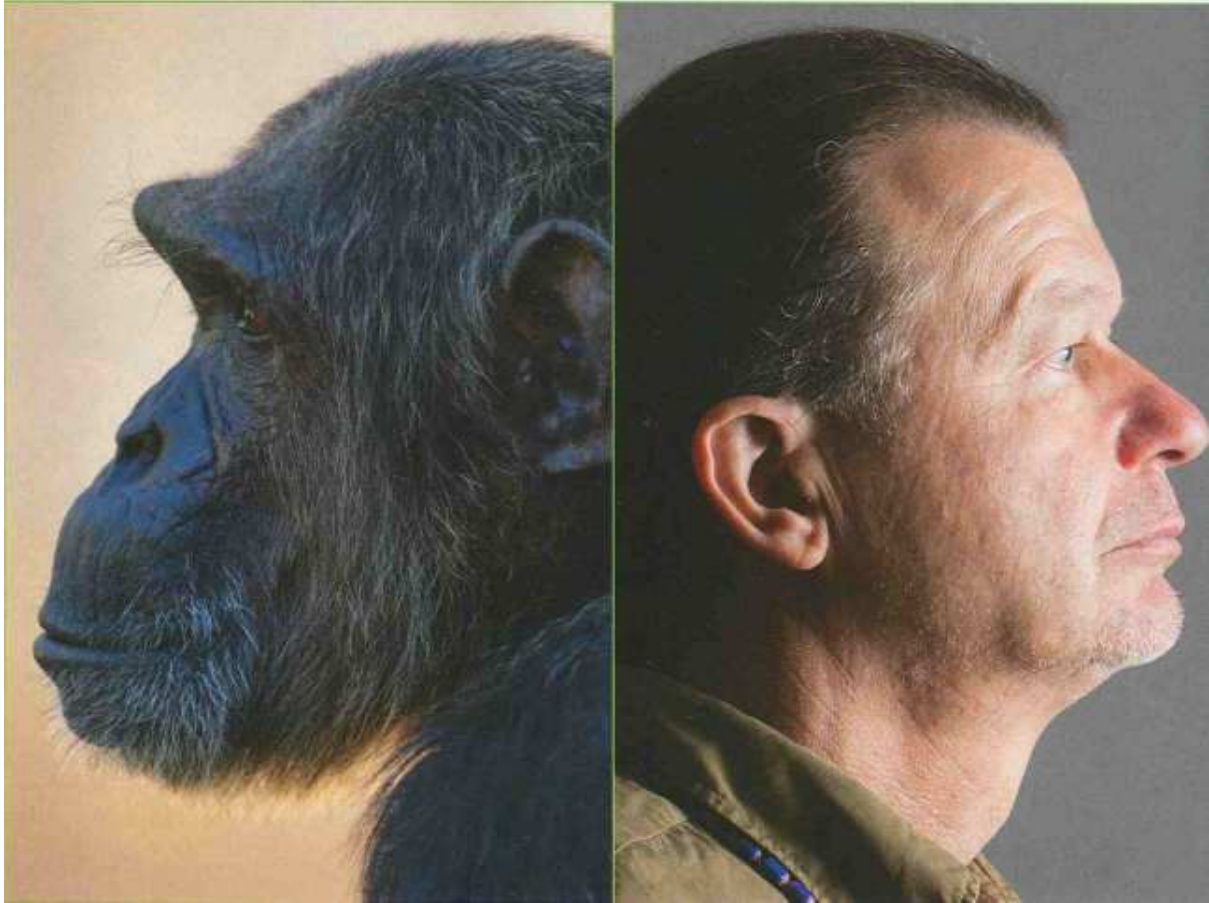
висит от мнения соответствующих ученых то, какую из этих «внутривидовых» вариаций они рассматривают как настолько существенную, чтобы для нее могла бы быть оправдана ее собственная категория.

Какое все это имеет отношение к вопросу, следует ли переименовать шимпанзе и бонобо в человека? Совсем просто: Последний общий предок зебр и лошадей тоже жил от четырех до шести миллионов лет назад, наследственность этих копытных животных расходится примерно на 1,5% – и они принадлежат к одному и тому же роду: «Equus» (лошади). Подобное происходит с тиграми и львами, которые относятся к роду «Panthera» (пантеры). И если наследственность двух жуков расходилась бы на такие же крохотные доли, как между Pan и Homo, то они определенно не были бы причислены к двум разным родам! Потому это не странное, а рациональное требование: объединить людей с шимпанзе и бонобо в один и тот же род.

Теперь можно было бы поступить так, как поступил Линней, и сделать критерием различия вида различие в «умственных» способностях между человекообразной обезьяной и человеком. Но, все же, и эта позиция несостоятельна, что снова и снова продемонстрировали огромные успехи приматологии за пятьдесят последних лет. Так как стоило лишь определить признак, который должен был бы обосновать «особое положение» человека, как уже находилась обезьяна, которая не беспокоилась об этом – шла ли речь теперь об изготовлении инструмента, планировании будущего, понимании чисел, узнавании себя в зеркале, самостоятельном приеме лекарств, языковом общении, политическом действии или эмпатии.

Так что дело представляется абсолютно ясным: шимпанзе должны быть переименованы в Homo troglodytes, а бонобо в Homo paniscus. Только эта классификация устойчива и крепка с научной точки зрения. Она могла бы развить также психологический эффект – лишить нас нашей самонадеянности и мотивировать нас к тому, чтобы продемонстрировать нашим ближайшим родственникам то уважение, которого они достойны. Поэтому, например, инициированный философами Паолой Кавальери и Питером Сингером «Проект Большая Обезьяна» (Great Ape Project) требует распространить на человекообразных обезьян некоторые предусмотренные только для людей привилегии – в том числе право на жизнь и свободу, а также запрет пыток. При этом сохраняется разумный подход, так как тут не требуют ни права на образование для бонобо, ни права участия в выборах для горилл, ни защиты данных для шимпанзе или возрастного ценза для секса у орангутанов. Речь идет просто лишь о том, чтобы преодолеть еще один «изм». Так, как мы сегодня рассматриваем национализм, расизм и сексизм (дискриминацию по полу) как устаревшие мировоззрения, так и будущие поколения, пожалуй, спросят себя, почему мы так долго цеплялись за «биологический видизм».

Горячая дискуссия относительно расширения рода Homo, во всяком случае, уже идет. Так как род Pan был введен только в 1816 году немецким натуралистом Лоренцом Океном, у более старого имени есть преимущество. В противном случае и мы могли бы тоже попасть в ситуацию, когда нам самим придется переименовать себя – в Pan sapiens: «шимпанзе разумный».

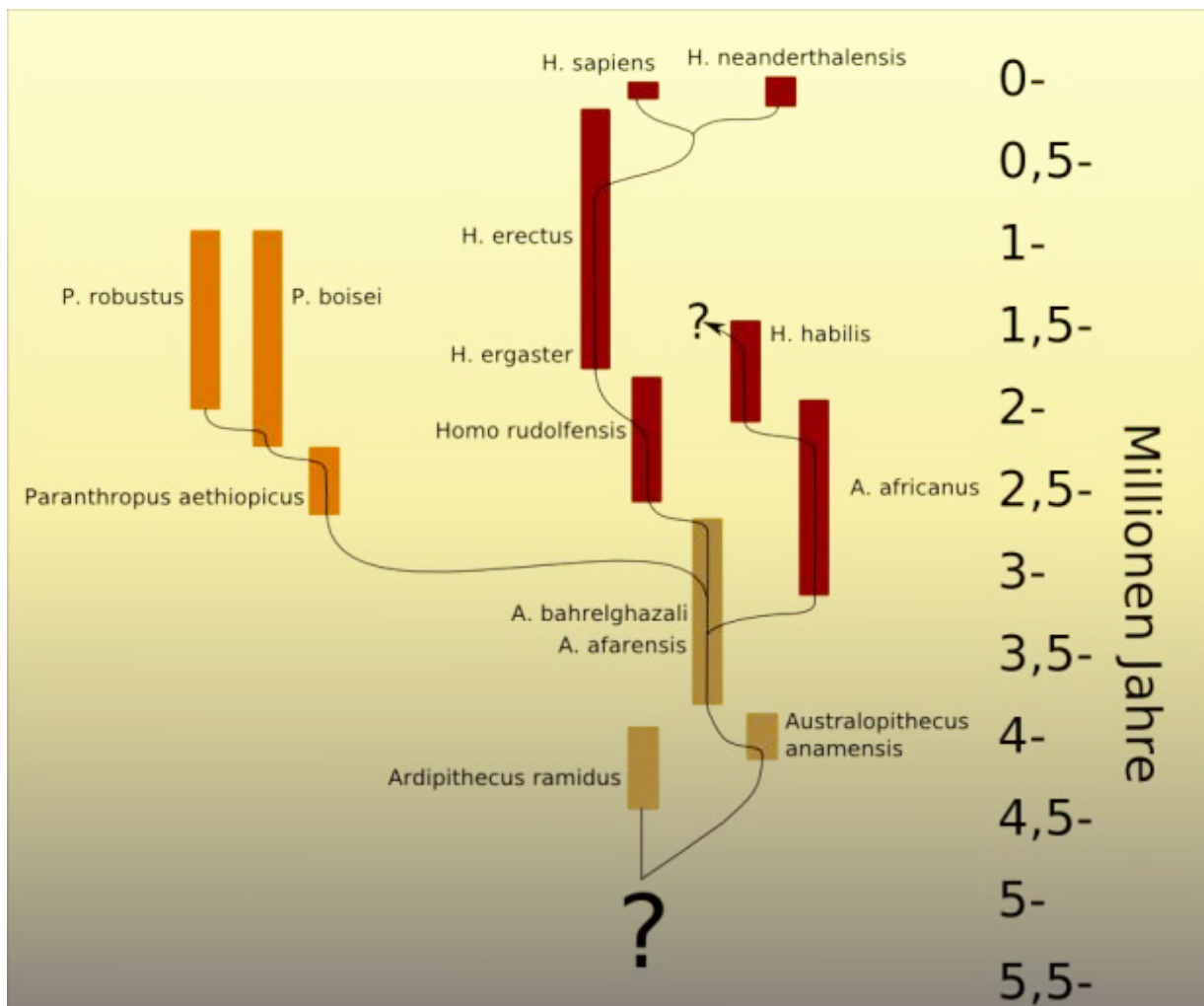

* * *

Послесловие Deep Roots:

«Речь идет просто лишь о том, чтобы преодолеть еще один ,изм'». Речь идет точно об этом в случае этой попытки поднять безумие антидискриминации и идеологического «анти-изма» на новую высоту, и не ради «научной устойчивости», в какой бы сильной степени не были бы справедливы некоторые биологические факты. Речь идет о том, чтобы продемонстрировать преодоление якобы «устарелых мировоззрений национализма, расизма и сексизма» как «съеденное», как что-то, что ставят под сомнение только лишь особенно «обращенные в прошлое» умы, в то время как «прогрессивные» уже обращаются к деконструкции «видизма». И речь идет о том, чтобы продемонстри-

ровать различия между человеческими расами как еще «более незначительные», если уже признание шимпанзе как «также каких-нибудь людей» предлагается как обоснованное наукой. (Следующая дымовая шашка в этом смысле – это реплика, что генетическое различие между человеком-мужчиной и человеком-женщиной в смысле тенденции больше различия между человеком и шимпанзе – как если бы это межполовое различие не было обусловлено необходимыми первичными и вторичными половыми признаками – как физическими, так и мыслительными – чтобы мужчины и женщины размножались друг с другом, могли друг друга дополнять и «функционировать» вместе!). Зоммер и подобные ему, очевидно, ожидают поддержки также от защитников животных и противников опытов над животными, указывая на последовательные выводы, которые были бы у распространения определенных прав человека – прав на жизнь и свободу, а также запрета пыток – на шимпанзе.

Гипотеза о генеалогическом древе эволюции человека, состояние на 2003 год

Об относительно позднем эволюционном отделении линии шимпанзе от раннечеловеческих форм (что в какой-то мере «обезьяна происходит от человека», а не наоборот) я уже читал где-то в другом месте (в «Geo», «Spektrum der Wissenschaft» или в «bdw»); к сожалению, я больше не могу найти эту статью, иначе я сослался бы на нее в соответствующем примечании. Из этого, а также из упомянутого Фолькером Зоммером регулярного скрещивания между предком человека и предком шимпанзе еще долго после этого разделения вытекают как раз три интересные мысли:

Во-первых, с этим отделением шимпанзе от раннечеловеческих форм при последующем развитии в более обезьяноподобном направлении мы имеем дело с раздельным и ведущим в разные стороны развитием двух групп, из которых одна оставалась в более примитивном состоянии (или вообще сама примитивизировалась), чтобы в более подходящей для более примитивного образа жизни экологической нише избежать конкуренции с другой группой, которая в это время развивалась в более высокую сторону. Можно наглядно проиллюстрировать это, если представить себе, что предки сегодняшних косуль и благородных оленей были более похожими друг на друга по размеру, поведению и жизненным потребностям, чем эти же животные сегодня, когда они прибыли в Европу, где они конкурировали за одни и те же источники корма и места существования (я не знаю, было ли это так, но это служит моделью для иллюстрации). При этом олени, которые были бы больше средней величины своих сородичей, и таким образом могли бы доставать до более высоких веток и участков древесной коры, чтобы питаться, были бы в выигрыше, в то время как то же самое было бы справедливо и для косуль, которые были бы меньше средней величины их сородичей, вследствие чего они могли бы пастись ниже и передвигаться в более плотно заросших чащах, чем другие (и чем олени). Постепенно сформировались бы сегодняшние различия в размерах и потребностях жизненного пространства. Теперь можно спросить себя: не могло ли похожее, ведущее в разные стороны развитие в разных экологических нишах, как тогда между предком шимпанзе и предком человека, снова происходить в куда более позднее время – на этот раз между европеоидами и африканцами, которые больше не могли конкурировать с дальнейшим более высоким развитием первых?

Во-вторых, развитие в сегодняшнего человека было возможно только потому, что наши ранние предки все меньше скрещивались с этой более примитивной линией шимпанзе и, наконец, совсем прекратили это скрещивание. Если бы уже тогда были такие фолькеры зоммеры, которые победили бы со своими представлениями о том, что мы не можем держать на расстоянии «наших ближайших родственников» и что «поверхностные признаки» как надбровные дуги, прямохождение и выдающееся вперед рыло «не должны оцениваться более глубоко, чем они есть на самом деле», тогда этого эволюцион-

ного разделения никогда бы не было, и самые умные из этого сохранившегося до сегодняшнего дня смешанного рода едва ли смогли бы достичь хотя бы уровня черных африканцев, который со средним интеллектуальным коэффициентом (IQ) чуть меньше 70 соответствует по европейским нормам легкой дебильности и находится примерно на полпути между умным шимпанзе и средним европейцем. С другой стороны: как далеко мы могли бы продвигаться уже сегодня, если бы это продолжающееся миллионы лет смешивание прекратилось уже давно! Наш средний интеллектуальный коэффициент мог бы лежать в диапазоне сегодняшних высокоодаренных людей, мы могли бы уже колонизировать соседние солнечные системы и достигнуть более глубокого понимания вселенной, и наша средняя продолжительность жизни могла бы составлять от полутора до двух столетий. Вместо этого то состояние человеческого развития, которого мы достигли до сих пор, из-за современного мультирасового смешения снова в опасности от того, что оно опять погибнет по причине смешивания с более примитивными. Антирацизм и смешение рас, при таком рассмотрении, собственно, являются преступлением против человечества.

И, в-третьих: предположим, что люди, шимпанзе и бонобо генетически действительно так близки друг к другу, как предполагает Зоммер, что они могли бы размножаться, скрещиваясь друг с другом? Между карпами и карасями, которые принадлежат не только к разным видам, но и к разным родам (*Cyprinus carpio* и *Carassius carassius*), в природе снова и снова получают гибриды, которые обладают, как правило, двумя парами сокращенных усиков (вместо их отсутствия, как у карася или длинной и короткой пары как у карпа). Их самцы стерильны, самки могут, однако, совокупляться с карпами или карасями и приносить потомство, вследствие чего наследственные признаки постоянно обмениваются между обоими видами.

Но весьма невероятно, что даже самые левые «антивидисты/антивидистки» будут настолько извращены и ослеплены, что станут совокупляться с шимпанзе. Но что, если ученые идеологического сорта Фолькера Зоммерса искусственно оплодотворят несколько самок шимпанзе или самок бонобо человеческой спермой, и из этого действительно получатся гибриды, в какой-то мере «хомпанзе»? Что тогда?

Классифицировать ли тогда шимпанзе и бонобо – по логике Фолькера Зоммера – не только как принадлежащих к виду человека (*Homo*), но даже как подвиды человека или как следующие человеческие расы? Объединить ли их тогда с человеком разумным, *Homo sapiens*, как *Homo sapiens troglodytes* и *Homo sapiens paniscus* в один общий вид? Не нужно ли было бы тогда предоставить им полные права человека, и должна ли тогда нынешняя общественно-политическая ортодоксия отказаться от запрета на такое сме-

шивание между человеком и шимпанзе (и «хомпанзе») согласно ее собственным принципам как от такого же «аморального», как она делает это сегодня с запретом смешения рас, который был, например, в США до первых десятилетий двадцатого века? Стало ли бы тогда исключение шимпанзе из каких-нибудь сфер жизни людей «апартеидом»?

Я думаю, у апостолов равенства, антирасистов и догматиков антидискриминации тогда – после того, как нельзя, по их словам, дискриминировать также между небелыми расами – был бы только один выбор: либо открыть все двери «обобезьянянию» человечества, либо признать, что также объявление вне закона отмежевания от негров и других примитивных рас как «расистское» не является состоятельным.

Такие соображения могут некоторым показаться заходящими слишком далеко, но наше сегодняшнее положение показалось бы людям начала двадцатого столетия по меньшей мере столь же странным, как мои только что изображенные сценарии кажутся нам сегодня.

Фолькер Зоммер и его единомышленники хотят расширить понятие человека. Как можно узнать из таких статей как «Мораль и абстрактное мышление» Гедалия Брауна или «Добро пожаловать в джунгли: Unamusement Park исследует Конго», часть 1, часть 2, часть 3, возникает вопрос, не стоит ли это понятие воспринимать более узко, чем до сих пор.

Если созданная европейцами цивилизация (и, вообще, вся их раса) должна продолжить существовать также в дальнейшем будущем, то лучше было бы раньше, нежели позже, реабилитировать такие понятия как «национализм, расизм и сексизм», и если нам удастся выкарабкаться из этого виража, тогда будущие поколения, пожалуй, спросят себя, почему мы так долго цеплялись за интернационализм, антирасизм и феминизм и даже рисковали тем, что могли попасться на удочку «антивидизма».

Источник: <http://schwertasblog.wordpress.com/2011/09/30/lasst-die-menschen-sein/>, опубликовано 30 сентября 2011

[Велесова Слобода, 2013 г.](#)